
КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ ЕКАТЕРИНА СВЕТ
Измена мужа.
Ты присвоил моё открытие,
но я уничтожила твою империю!

Екатерина Свет
Камила Левитан

Измена мужа. Ты присвоил моё открытие, но я уничтожила твою империю!

https://litres.ru/74730732
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж украл мою медицинскую разработку и объявил меня неуравновешенной прямо перед инвесторами.

Виктор забрал лабораторию, заблокировал счета, выгнал из дома и подставил меня под уголовное дело. А женщина, которую я считала пострадавшей пациенткой, оказалась его сообщницей.

Они сфальсифицировали результаты испытаний, чтобы заработать миллионы на чужом здоровье.

Теперь у меня нет работы, денег и даже крыши над головой.

Но остались знания и доказательства, способные разрушить их планы.

Неожиданную помощь предлагает Артур, опасный и влиятельный мужчина со своими секретами.

Сумею ли я добиться справедливости, вернуть своё имя и построить новую жизнь после жестокого предательства мужа, не попав в очередную ловушку чужой власти?

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 21
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Камила Левитан, Екатерина Свет
Измена мужа. Ты присвоил моё открытие, но я уничтожила твою империю!

Глава 1

Шампанское уже разлили, хотя Виктор ещё не закончил презентацию. Никто не сомневался в успехе: бутылки открыли заранее, бокалы ждали на столе. Я чувствовала запах его одеколона — сандал и холодный металл — ещё у дверей, прежде чем увидела спину Виктора. Он стоял у проектора, подсвеченный синевой слайдов, и говорил о «прорыве», который спасет жизнь тысячам пациентов. Прорыве, который я рассчитывала три ночи подряд, проверяя каждую запятую в биохимических формулах. А он называл это своей идеей. Своим гением.

На экране осталась моя схема — даже стрелку, которую я забыла выровнять, Виктор не поправил. Хотелось ткнуть в неё пальцем: вот, моя, спросите его, почему она идёт сюда.

Вместо этого я сжала кулаки. Ногти впились в ладони, и ноги наконец перестали подкашиваться. Я сделала шаг вперед, каблуки моих туфель скрипнули по лакированному паркету, нарушая идеальную тишину зала. Инвесторы повернули головы. Виктор не обернулся. Его голос стал громче, увереннее:

— ...и именно этот протокол позволяет избежать побочных эффектов, которые ранее считались неизбежными.

— Это ложь! — мой голос сорвался на визг. Грязный, некрасивый звук, который я ненавидела. Но остановиться было невозможно. — Данные пациентки Марины были подделаны! Уровень нейромедиаторов в её крови не соответствует заявленному эффекту! Вы украли мою работу и построили на этом карьеру, пока она лежала в реанимации!

Виктор наконец повернулся. Медленно, всё ещё улыбаясь инвесторам. Когда-то ради этой улыбки я старалась закончить работу пораньше и вернуться домой. Сейчас он даже не задержал на мне взгляд — сразу посмотрел поверх моего плеча, проверяя, идут ли охранники.

— Алиса, пожалуйста. Ты снова устраиваешь истерику. Коллеги уже привыкли к твоему нестабильному эмоциональному фону после... разрыва с реальностью.

Он отвернулся к экрану, оставив мне свою спину. Ровно так же дома он закрывал разговор: поправлял звук на телевизоре, пока я ещё объясняла. Только теперь за столом сидели люди, которым я могла показать подмену. Они зашепта-

лись, но никто не попросил взглянуть на анализы. Главный врач клиники, дородный мужчина в очках-авиаторах, сделал вид, что рассматривает свои ногти. Два охранника в черных костюмах отделились от стены и двинулись ко мне. Один пошёл прямо ко мне, второй обогнул стол, отрезая путь к инвесторам.

— Девушка, вам нужно выйти, — сказал один из них, кладя руку мне на плечо. Его пальцы были тяжелыми, пахли табаком и дешевым дезодорантом.

Я вырвалась, бросаясь к столу президиума. Там лежали распечатки анализов. Мои доказательства. Если инвесторы увидят показатели, им придётся хотя бы задать ему вопрос. Я схватила листы, сунув их прямо перед лицом Виктора. Чернила еще пахли свежей печатью.

— Посмотри! Вот маркеры токсичности! Если бы ты проверил, как я просила, Марина не стала бы инвалидом!

Виктор взял бумагу двумя пальцами, будто держал использованную салфетку. Он аккуратно, методично разорвал лист пополам. За столом ещё шептались, но я слышала только треск бумаги. Половинки упали на стол: строку с показателями разорвало посередине. Я всё ещё держала руку вытянутой, хотя показывать ему было уже нечего.

— Истеричка, — тихо сказал он, чтобы слышала только я. — Тебе нужен не микрофон, Алиса. Тебе нужен психиатр. Или тюрьма. Выбирай сама, что тебе ближе.

Он нажал кнопку на пульте. Проектор погас. Свет в зале

включился резко, без предупреждения, ударив по глазам.

— Совещание окончено, — объявил он. — Просьба к персоналу обеспечить безопасность пациентки номер семь. У неё, похоже, обострение.

Охранники мягко, но настойчиво оттеснили меня к стене. Я пыталась сказать что-то инвесторам, этим людям с дорогими часами и пустыми глазами, но они уже доставали телефоны, делая вид, что заняты важными звонками. Я ловила взгляды, пыталась задержать хоть одного человека у стола. Инвестор с часами на кожаном ремешке прижал телефон к уху раньше, чем экран успел загореться. Другой поднял ладонь: не сейчас. Когда же? Когда меня отсюда унесут?

Меня вывели из опустевшего зала в соседнюю комнату ожидания. Нужно было позвонить юристу. Любому. Хоть кому-то, кто еще мог слушать. Но едва охранники вышли, ручка двери оказалась холодной и неподвижной. Щёлкнул электронный замок. Я нажала на ручку ещё раз, уже всем весом. Через стеклянную перегородку я видела коридор VIP-зоны. Там сидели пациенты в шелковых халатах, ожидая своих пластических операций. Они смотрели на меня, запертую в комнате ожидания для «нежелательных элементов». Один из пациентов отвёл глаза, другой продолжал разглядывать меня, не стесняясь. Виктор махнул рукой через стекло: «Ждите». Я подняла телефон, чтобы он видел, что я собираюсь звонить. Он уже уходил.

Прошло десять минут. Или двадцать. Я то и дело прове-

ряла дверь, хотя видела через стекло: никто её не отпирал. Дверь открылась, и вошла она. Марина. Та самая «парализованная» жертва моей халатности. Она шла уверенно, стуча каблучками по ламинату. На ней было платье цвета шампанского, идеально сидящее на фигуре. Никаких ходунков. Никакого кресла-каталки. Только легкая походка победительницы.

Она подошла вплотную. Сладкий персиковый запах перебил даже антисептик. Я отступила, а она сразу сократила расстояние.

— Привет, Алиса, — прошептала она, наклоняясь к моему уху. Ее дыхание обожгло кожу. — Красивая сцена. Виктор молодец. Он всегда умеет сделать шоу из рутины.

Я отшатнулась, ударившись спиной о стену. Холод кафеля пронзил ткань блузки.

— Ты... ты можешь ходить? — выдохнула я.

Марина усмехнулась, обнажая ровные белые зубы.

— Я могу танцевать, если захочу. Виктор обещал мне квартиру в центре за роль «жертвы твоей ошибки». Плюс ежемесячную выплату за молчание. Знаешь, что самое смешное? Он сказал, что умные женщины всегда проигрывают. Потому что они слишком много думают, вместо того чтобы просто закрыть рот и получать деньги.

Я смотрела на её туфли. На тонкие каблуки, на то, как свободно она поворачивала стопу. Ночами я сверяла дозировки, боясь, что из-за меня женщина больше не встанет. Перечи-

тывала заключение, искала пропущенный показатель. А она в это время выбирала квартиру. Я могла простить себе ошибку и годами исправлять её последствия. Этого — не могла.

— Убирайся, — сказала я. Хотелось спросить про даты, про выплаты, про то, кто подписал заключение. Но ещё секунда рядом с ней — и я ударила бы её. Сейчас мне нужны были руки, которыми можно работать, а не объяснять следователю, почему я полезла в драку.

Марина пожала плечами и вышла, оставляя дверь приоткрытой. Я смотрела на ручку и не сразу решилась к ней подойти. Только что её нельзя было даже повернуть — теперь можно было уйти. Марина и это решила за меня.

Я выбежала из здания клиники под проливной дождь. Небо ревело, вода лилась стеной, превращая мир в серую мазню. Я бежала к парковке, где стояла моя машина. Или должна была стоять.

На мокром асфальте посреди лужи лежали картонные коробки. Мои вещи. Мои книги. Мои диски с данными. Секретарша Виктора, Лена, стояла рядом с огромным зонтом, защищаясь от непогоды. Она курила, выпуская дым в лицо дождю, и наблюдала за мной с тем скучающим лицом, с каким прежде ждала, пока закончится наш лабораторный анализ.

— Виктор велел передать, что доступ к базе данных заблокирован, — крикнула она поверх грома. — И что твои личные вещи могут быть утрачены в процессе транспортировки. Так что не расстраивайся, если там что-то промокло.

Я упала на колени в воду. Ледяная грязь моментально пропитала брюки. Я начала собирать документы, которые размывало потоком воды. Чернила стекали, буквы плыли, превращая научные труды в абстрактные пятна. Листы прилипали к пальцам, рвались, стоило потянуть. Я уже не различала, что ещё можно спасти, и всё равно сгребала их в коробку.

Лена затушила сигарету о коробку с моими диссертациями. Оставила жирное пятно на белой обложке.

Я достала телефон. Экран светился яркой вспышкой среди серости дня. Вызов Виктору. Он ответил сразу.

— Алиса, мы же договорились, что ты не будешь звонить, пока я не закончу дела.

— Квартира, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ключи. Мы купили её вместе. Это наше общее имущество.

Тишина на том конце провода длилась секунду. Потом раздался сухой щелчок. SMS.

«Ключи аннулированы. Система безопасности обновлена. Квартира оформлена как обеспечение по личному кредиту фонда „Здоровье нации“. Если ты придешь туда без приглашения, будет вызвана полиция за незаконное проникновение и попытку взлома».

Я перечитала сообщение. «Личный кредит фонда». Нашу квартиру он назвал обеспечением, мои вещи — транспортировкой. В каждой фразе уже было приготовлено объяснение,

почему я останусь снаружи. Пока я думала, как спасти пациентку, он менял замки и готовил развод. Даже сейчас я искала, где он ошибся в формулировке: за что можно ухватиться, чтобы вернуть себе хоть одну дверь.

Я стояла посреди парковки, держа в руках мокрую коробку. Внутри, между смятыми бумагами, лежала единственная фотография. Наша свадьба. Я в белом платье, смеющаяся, счастливо-глупая. Он в дорогом костюме, с взглядом, который я тогда принимала за любовь, а теперь видела расчет.

Дождь барабанил по размокшей крышке коробки. Я накрыла ладонью свадебную фотографию, но вода всё равно сочилась между пальцами. Из темноты, откуда-то со стороны служебного въезда, выехал черный внедорожник. За тонированными стёклами не было видно людей; на каждом повороте кузова в них отражались молнии. Машина остановилась в двух метрах от меня, разрезая лужи своими шинами.

Стекло водительской двери опустилось с низким гулом электромотора. Внутри было темно. Мужчина за рулём смотрел прямо на меня и ждал, хотя дождь уже заливал ему рукав.

Голос, низкий и властный, пробил шум дождя:

— Садись. Или ты хочешь, чтобы тебя нашли утром в канаве?

Глава 2

После парковки я пошла к Лене. До сих пор злилась на себя: почему не села в ту машину? Но сесть рядом с незнакомцем, который сразу начал приказывать, я тогда не смогла. Дождь стучал по крышам машин, барабанил по моему тонкому плащу, который Виктор подарил мне на пятую годовщину. Тогда я считала его заботливым мужем. Сейчас мокрая синтетика липла к плечам, и хотелось стянуть его, бросить прямо здесь. Но без плаща было бы ещё холоднее.

Я стояла перед дверью Лены. Бывшей подруги, коллеги, человека, с которым мы вместе пили кофе в лаборатории до рассвета, обсуждая молекулярные формулы. Я подняла руку, чтобы позвонить, но замерла. За дверным глазком мелькнул свет и сразу пропал. Лена подошла. Я услышала, как скрипнула знакомая половица.

— Лена, открой, — мой голос сорвался на хрип. — Мне нужно пересидеть ночь. Скоро суд.

Лена не отвечала. Я уже опустила руку, когда за дверью что-то зашуршало, будто она отодвигала мебель. Голос прозвучал глухо, сквозь толстое дерево:

— Алиса, прости. Виктор сказал, что если хоть кто-то тебе поможет, его вычистят из клиники. У меня ипотека. И дочь. Не подставляй меня. Пожалуйста, уходи.

Лена говорила всё быстрее, будто я уже тянула её за собой

в долговую яму. Мне хотелось напомнить про те ночи в лаборатории, про кофе из одной кружки. Но на парковке она уже затушила сигарету о мои бумаги. Сейчас я просила пустить меня в дом у человека, который видел, как их размывает дождь, и не поднял ни листа.

Я отвернулась от двери и побрела вниз по лестнице. На каждой ступеньке из промокших туфель выдавливалась вода. Я старалась ступать на пятки: пальцы уже почти не чувствовали подошвы. Ноги стали ватными. Нужно было найти место. Любое. Даже то, где не спрашивают документов.

Хостел «Уютный угол» для мигрантов находился в районе, где фонарь горит через раз. Внутри пахло вареной лапшой и потом. Администратор, крупный мужчина с татуировкой «судьба» на предплечье, посмотрел на мой паспорт и фыркнул.

— Ты в стопе, женщина. Клиника «Аурелия». Служба безопасности блокирует любые транзакции. Ни одной легальной койки. Иди отсюда, пока полицию не вызвал.

Я забрала паспорт и задержала его в ладони. Имя, фотография, прописка — всё на месте. Администратор смотрел не на меня, а на пометку в своей базе. За койку можно было заплатить; за право перестать быть этой пометкой — кому? Виктор не обязан был лично приезжать в каждый хостел. Хватило звонка людям, которые не хотели с ним спорить.

Нелегальная коммуналка на окраине города оказалась старым бараком с облупившейся краской. Ни камеры над

входом, ни компьютера у хозяйки. Я ещё оглядывала дверь, когда она спросила, есть ли наличные. В коридоре пахло сыростью, плесенью и давно не стиранным бельём. Хозяйка взяла деньги вперед, даже не взглянув на мои документы. Комната была размером с шкаф: скрипучая кровать, треснувшее зеркало, окно, забитое фанерой.

Я едва успела сесть на край кровати, как в дверь постучали. Резко, требовательно.

На пороге стоял мелкий, агрессивный тип в дешевом костюме, который сидел на нем мешками. В руке он крутил диктофон.

— Алиса Верещагина? Подпиши бумагу о признании долга за утраченные гранты. Или завтра ты станешь фигурантской уголовного дела о краже образцов ДНК. Виктор Сергеевич очень расстроен.

— Я ничего не крала, — произнесла я, чувствуя, как ладони потеют. — Я анализировала данные. Это моя работа.

Он усмехнулся, показывая желтые зубы.

— Твоя работа? Ты была теневым игроком, ученой крысой. А теперь ты никто. Подписывай, или мы придем с понятыми. Срок — сутки.

Он оставил визитку с адресом суда и вышел. Дверь закрылась, щелкнул замок. Тошнота подкатила к горлу. На визитке не было имени следователя. Только адрес суда и телефон посредника. Я перевернула её, проверяя оборот: он хотел, чтобы я сама поставила подпись под его угрозами. Не поставлю.

Но от этого решения дверь комнаты не стала крепче, и на лестнице всё ещё слышались его шаги.

Ночь стала адом. В коридоре раздавались голоса, топот ног. Кто-то пнул мою дверь так сильно, что петля заскрипела.

— Проблемная! — крикнул грубый мужской голос. — Из-за нее тут менты будут рыскать! Выметайся, городская барыня!

В щель под дверью просунули бумажную обертку от конфеты. Следом об пол стукнули пакеты с мусором: их навалили прямо у порога. Они решали вопрос «безопасности» своими методами. Я попыталась открыть дверь, чтобы договориться, предложить деньги за тишину, но руки дрожали. Страх сковал мышцы. Если я выйду, они могут сделать хуже.

Я схватила тяжелый стул и подперла им дверную ручку. Передняя ножка скользнула по полу, и я вдавила стул крепче. Из-под двери тянуло холодом; мокрые брюки облепили колени. Даже поднять голову стоило усилия. Я сидела на полу, обхватив колени руками, слушая, как снаружи гогочут и ломают что-то еще. Стоило шороху за дверью стихнуть, я начинала прислушиваться: ушли? Потом снова раздавался смех, и я теснее прижималась к стулу.

Утро встретило меня серым небом и свинцовой тяжестью в груди. Я убрала стул от двери. Вчера мне сулили уголовное дело — сегодня я сама пойду в полицию. Заявлю о преследовании и фальсификации доказательств. Пусть хотя бы запишут угрозы.

Отделение полиции находилось в центре, но атмосфера там была такой же вязкой, как и в коммуне. Дежурный офицер, молодой парень с пустыми глазами, взял мой паспорт и уставился на фамилию.

— Верещагина? Та самая, которая халатность допустила?

— Меня травят, — начала я быстро, боясь потерять шанс. — Коллекторы угрожают уголовным делом. Данные украдены.

Он вернул паспорт, даже не открывая журнал учета.

— Если бы ты была честной, тебя бы не искали. Состав преступления отсутствует. Тебе требуют долг? Это гражданско-правовые отношения. Иди домой.

— У меня нет дома! — крик вырвался сам собой, эхом ударившись о кафельные стены. Люди в очереди обернулись. Лица были непроницаемыми.

На улице я раскрыла паспорт: дежурный так и не заглянул дальше фамилии. Даже не записал, кто приходил. Если меня опять начнут искать, здесь смогут сказать, что никакого заявления не было. Хотелось вернуться и потребовать регистрации, но я уже видела его лицо за стеклом: он разговаривал со следующим человеком, как будто меня и не существовало.

Вернувшись в коммуналку, я увидела хаос. Моя дверь была выбита. Вещи лежали во дворе, в грязи и лужах. Кто-то из соседей решил «помочь» мне съехать, выбросив всё на помойку. Среди мокрого тряпья я увидела свой планшет. Един-

ственный рабочий инструмент. Черновые расчеты, которые Виктор присвоил себе. Доказательства моей компетентности.

Экран был разбит в паутину трещин. Корпус погнут. Я опустилась на колени прямо в грязь, под проливным дождем, и попыталась включить устройство. Оно не реагировало. Мокрый картон коробок, смешанный с землей, давил пальцы.

Я нажимала кнопку включения, хотя знала, что так можно сделать ещё хуже. На этом планшете остались расчёты, которые я не отправляла Виктору. Там было видно, где я исправила его ошибку, а где он потом вставил своё имя. Пусть забирает квартиру. Но не это. Я вытерла экран рукавом и нажала снова; слёзы падали на уже мокрое стекло.

— Чай будешь?

Голос принадлежал старухе-соседке. Она молча наблюдала за этим цирком с крыльца, держа в руках эмалированную кружку. Пар от чая смешивался с холодным воздухом.

— Твой муж не просто жадный, девочка, — сказала она, протягивая кружку. — Он трусливый. И он боится одного человека. Не полиции. А того, кто может купить его страх.

Я взяла кружку, чувствуя тепло, которое пробиралось в окоченевшие пальцы.

— Кого?

— Артура, — сказала она так уверенно, что я подняла голову. — Закрытый аукцион редких книг в отеле «Регент».

Завтра вечером. Виктор будет там. Он не сможет удержаться от соблазна показать свое превосходство над падшим ангелом. Там найдешь ключ.

Я стиснула горячую кружку. Виктор тоже кого-то боялся. Нужно было узнать, чем Артур держит его: деньгами, документами, старым долгом. Что угодно — лишь бы перестать стучать в двери, за которыми от меня прятались.

В суде Виктор будет со своим адвокатом. Я — с мокрыми бумагами и разбитым планшетом. От Артура мне нужен был хотя бы шанс, что Виктор выслушает кого-то, кроме себя.

Я достала из подошвы старого ботинка последние наличные, спрятанные там в панике после увольнения. Эти деньги могли купить поддельное приглашение у знакомого старухи. Раньше приглашение всегда показывал Виктор, а я ждала рядом. Теперь придётся самой пройти проверку у входа и не выдать, откуда взялся этот билет.

Хозяйка уже сменила замок. Через выбитую дверную филёнку я видела комнату и треснувшее зеркало. В нём отражалась чужая женщина: дешевое платье липло к телу, тушь размазалась черными дорожками, волосы слиплись от дождя и грязи. Я попыталась пригладить волосы и сразу отдёрнула руку: на пальцах осталась грязь. В таком виде в «Регент» не пускают. Значит, придётся придумать, как попасть внутрь, прежде чем меня успеют хорошенько рассмотреть.

Завтра я пойду в «Регент». Придётся вытереть туфли, привести себя в порядок и удержать приглашение так, чтобы

никто не заметил дрожи в пальцах. Артура я найду.

В «Регент» я собиралась идти с доказательствами, а не с очередной просьбой поверить мне на слово. Планшет не включался, мокрые бумаги расползались в руках. Сначала нужно было забрать записи из архива «Аурелии» — прежде, чем Виктор доберётся и до них.

Глава 3

Дождь барабанил по козырьку входа в клинику «Ауре-лия», превращая город в размытое серое пятно. Я стояла, прижимая к груди сумку с вещами, которые Виктор выбросил на парковку ещё вчера вечером. Внутри не было ничего ценного: пара старых халатов из моих коробок и телефон. Но для охранника у стеклянных дверей я была просто бродяжкой, которую нужно вытолкнуть подальше от чистых полов его хозяина.

— Проход закрыт, — буркнул детина в форме, даже не глядя на меня. Его плечо толкнуло меня так, что я едва не упала обратно в лужу. — Уходи, пока полицию не вызвал. Или ты думаешь, что можешь прийти сюда и требовать жалованье? После того как ты искалечила пациентку?

Даже этот охранник уже знал про «искалеченную пациентку». Моих объяснений ему не требовалось: виновницу назначили до того, как я подошла к двери.

Я не стала спорить. Спорить с идиотами бесполезно, особенно если они физически сильнее. Вместо этого я скользнула взглядом вправо, туда, где колонна заслоняла от камеры вход в служебный лифт. Створки после остановки оставались открытыми пять секунд. Пять лет назад я сама проектировала эту систему безопасности для Виктора. Он тогда гордился своей гениальностью, присваивая мои чертежи се-

бе. Сейчас эти чертежи были моим единственным оружием.

Как только охранник отвернулся, отвечая на рацию, я шагнула в тень колонны и нырнула в щель между створками лифта, успев нажать кнопку этажа VIP до того, как двери сомкнулись.

Лифт дёрнулся вверх. Кнопка первого этажа погасла; выйти теперь можно было только там, куда я сама его отправила.

Я смотрела на щель между створками, пока не начала видеть её даже при моргании. Хотелось втиснуть туда пальцы, раздвинуть двери хоть на сантиметр. Грудь не отпускало: каждый следующий вдох получался короче предыдущего. Руки задрожали так сильно, что телефон выскользнул из пальцев и звякнул о пол. Код доступа к серверной расплылся перед глазами.

«Ты слабая», — шептал голос Виктора в голове. «Ты истеричка. Ты никогда не будешь равной мне».

Я впилась ногтями в ладонь. На секунду всё внимание собралось в месте, где ноготь продавил кожу. Я смогла выдохнуть до конца. Я закрыла глаза, чувствуя металлический привкус крови во рту, и начала дышать. Четыре секунды вдох. Семь задержка. Восемь выдох. Эта схема была моей страховкой, той самой «женской истерикой», над которой Виктор смеялся на семейных ужинах, когда я возвращалась домой после ночных дежурств. Я отсчитывала секунды, стараясь не сбиться на гуле мотора. К остановке лифта удалось сделать вдох без судорожного рывка.

Лифт остановился. Двери открылись в стерильную тишину VIP-этажа. У лифта стояла ваза с орхидеями. За ней начинался коридор, где мне ещё вчера уступали дорогу.

Подняв телефон с пола, я достала из сумки белый халат и надела его поверх блузки. Вышла, поправляя воротник и закрывая рукавом грязную манжету блузки. На выходе из лифта меня ждала медсестра. Молоденькая, с круглыми глазами и бейджиком стажёра. Она сначала подалась ко мне, как к врачу, потом прочла моё лицо внимательнее и отступила. Взгляд перескочил с халата на кнопку тревоги. Теперь ей предстояло решить, чьего гнева бояться больше.

— Вы! — она взвизгнула, протягивая руку к красной кнопке тревоги на стене. — Алиса Верещагина! Вас тут быть не должно! Вы уволены! Охрана! Охрана!!

Её палец завис над кнопкой. Секунда. Если она нажмет, через две минуты здесь будут все, включая Виктора. До архива я уже не доберусь. Я посмотрела на её руку: до кнопки оставалось совсем немного.

Я медленно подошла ближе, вторгаясь в её личное пространство, и посмотрела на неё сверху вниз. У девочки дрожал палец. Она тоже боялась ошибиться. Это я ещё умела использовать: заставить её выбрать между знакомым приказом и неприятностями, которых она пока не понимала. Я знала протоколы этой клиники; пусть она услышит начальницу, прежде чем вспомнит про уволенную жену.

— У меня экстренная консультация с пациентом номер

семь-четыре, — произнесла я тем тоном, каким требовала срочные анализы на дежурстве. Медсестра замерла. — Если сорвёте работу врачебной комиссии, объяснительную будете подписывать лично вы. Хотите испортить свою карьеру на старте, девочка? Или вы предпочитаете стоять здесь и смотреть, пока я работаю?

Она моргнула. Страх перед начальством оказался сильнее страха перед бывшей женой владельца. Медсестра отвела взгляд, побледнела и сделала шаг в сторону, освобождая проход.

— Извините, доктор, — пробормотала она.

Я прошла мимо, не оглядываясь. Сердце всё ещё билось слишком быстро, но руки перестали дрожать.

Серверная находилась в конце длинного коридора, за двойными дверями с электронным замком. Экран монитора мигнул красным: «ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН. Требуется биометрия уровня Владелец». Таймер блокировки двери показал 60 секунд. Автоматика закрывала вход, чтобы никто не мог войти без разрешения Виктора.

Но у меня был ключ. Старый флеш-накопитель, который я носила на цепочке под блузкой со дня свадьбы. Бэкдор, который я оставила «на всякий случай» пять лет назад, когда Виктор впервые приписал мою диссертацию себе. Я подключила его к порту USB на панели управления. Сумку поставила у ног, чтобы не мешала.

Панель пискнула. По экрану побежали строки, которые

я узнала раньше, чем успела прочесть: моя старая последовательность запросов. Раньше я проверяла её после работы, когда Виктор торопил меня домой. Теперь следила, не появится ли между ними новый отказ. Тридцать секунд. Десять. Пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.